

Храм Солнца. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://buninivan.ru/> Приятного чтения!

Храм Солнца. Иван Алексеевич Бунин

I

Рано утром покинули мы Бейрут. Поезд через час был уже под Хадеттом. За Хадеттом он переменял темп на торопливый, горный:

стуча, раскачиваясь, он стал извиваться все выше и выше по красноватым предгорьям. Из-за цветущих садов, покрывающих их, изза гранатов, шелковиц, кипарисов, роз и глициний несколько раз мелькнуло туманно-синее море. Слушая разноязычный говор, гул колес и грохот энергично работающего паровика, я выглянул в окно, дохнул посвежевшим воздухом: в необъятное пространство за нами все ниже и ниже падала далекая бейрутская долина, ставшая маленькой, плоской, кучки белых и оранжевых точек – крыш, темнозеленые пятна садов, кирпичные отмели бухты – и необозримая синь моря. Скоро все это скрылось – и снова развернулось еще шире... Все мельче, тесней становились точки, все игрушечной – бухта и все величавей море. Море росло, поднималось синей туманностью к светлому небу. А небо было несказанно огромно.

Под Джамхуром паровик стал на подъеме к котловине, повернувшись к Бейруту, – и за горами направо я вдруг близко увидел серебряную с чернью громаду Саннина. Пахло снегом, но серая каменная стена маленькой станции вся была в цветущей, яркопунцовой герани. Потом паровик звонко, по-горному крикнул – и опять застучал коротким дыханием в кручу. И опять открылась головокружительная панорама с далеким Бейрутом на дне. Зыбко зияли глубокие ущелья с одной стороны, торжественно возрастал Саннин с другой... А за Арайей подъем пошел еще круче. Стало просторно и голо, прохладно и облачно. Дымом сползали облака по скатам. Миновавши Алэй, мы опять повернули к востоку. Был туннель. Налево открылась долина Хамана, за ней горы в сплошных темно-зеленых борах... За Софаром мы опять окунулись в тьму, дым и грохот, а когда выскочили, о, как дико и вольно стало кругом! Из-за голых вершин глянул Джебель-Кенэзэ весь в ярких серебряных лентах, четко, одиноко засиял в этой ясной, прохладной пустыне. Приближался перевал, паровик выбивался из сил, одолевая последний подъем. Из окон вагонов высывались фески, дым падал и стлался по придорожным скалам... К полудню мы пришли на Бейдар, к перевалу.

Было тихо, свежо. Пять тысяч футов не бог весть какая высота, но волновала мысль, что ты на Ливане. А впереди – долина Солнца, долина Авен, Келесирия. Тронувшись, мы пошли с головокружительной быстротой. С грохотом нырнули опять в длинный-длинный туннель. А когда этот грохот оборвался, ослепли от света и не сразу поняли, что это, как море, сияет впереди. Впереди же была – Келесирия.

В глубокой дали раскрылась она, ровная, пустая, котловиной среди гор, смутно видных в солнечном тумане. Против левого окна, над скатами, сияла все та же голая громада в белых лентах. На скатах возле нас лежал тающий снег. А дорога все падала, и все ближе становилась огромная изумрудная долина в фиолетовых пятнах пашен. И еще огромнее был далекий вал гор за нею. Вот сосед трогает меня сизой рукой за рукав и, блеснув зубами, говорит:

– Джебель Шейх!

И, взглянув, я вдруг вижу за долиной, в солнечном тумане, величаво выделяющуюся из-за валов Антиливана куполообразную гору. Она вся в полосах снега, идущих сверху вниз, – как талес.

Гермон, Великий Шейх! Над ним, почти на нем – купы светлых легких облаков...

На Мерейате стало совсем тепло. Летний ветер, белые акации в цвету... Но по горе налево все еще был снег – на изумительно-ярком поле неба. За Мерейатом, после очень крутого спуска, открылась Штора, большая и дикая на вид арабская деревня с плоскими глиняными кровлями. За Шторой, после полудня, мы были уже в долине.

Пошли сады, в них – тополя, шелковицы. Сквозь сады мелькали синие и красные одежды сирийцев, пахавших на волах ржавую глину в виноградниках... Близился Райяк, где нужно было покинуть дамасский путь и свернуть на север.

Близилась места Эдема, Баальбек.

II

Край баснословных племен, родина Адама, святилище Солнца!

Эта низменность, – в ней около полутораста верст, – с незапамятных времен называется Бека, то есть страна, долина. Баальбек есть таким образом "долина Ваала-Солнца". Слово Сирия – санскритское – значит опять-таки – солнце. Но мало того: эта долина, средоточие солнечных служении, связана еще с именем Рая, близость которого к Баальбеку была неоспорима в древности.

Я глядел в окна вагона. Прохладный, сероватый день. Дорога от Райяка ровно и почти незаметно для глаз идет на подъем, все к северу.

Кругом – слегка волнистая пустыня, тощие посева, сквозит красноватая почва, – именно та, из которой и был создан Адам! – и кое-где – дико цветущие кустарники. В открытое окно слева дует свежий степной ветер, за долиной видны холмы предгорий и без конца тянется горбатый вал Ливана диких тонов, весь в продольных белых лентах. И такая же гряда идет и справа – Антиливан. Я глядел – и вдруг опять вспомнил талес, плат, который накидывают на голову во время молитвы евреи, – подобие древнейшей кочевой одежды.

Вот откуда все эти пегие хламиды, раскиданные по Востоку, и даже полосатая чересполосица мраморов в мечетях! Все отсюда, из исполинского развала этих ни на что не похожих гор.

Они не кажутся высоки, – сама долина на четыре тысячи футов выше моря. Издалека не поражают они и очертаниями. Но что сравнится с этими синеватыми валами и пегими горбами, точно перенесенными с другой, более старой планеты? С другой планеты и все памятники их. Вон чуть сереет на Ливане местечко Керак с высеченной в скалах стофутовой гробницей Ноя. Вон там, на Антиливане, есть селенье Неби-Шит, где чтут могилу Сифа. А впереди – Баальбек, руины храма, "превышающего размерами все сделанное рукою человека". Камни его возили на мастодонтах; в святилищах его сливались в служение единому Солнцу служения Арамеи и Египта, Ассирии и Финикии, Греции и Рима. Баальбеку уступали не только все финикийские, но даже египетские храмы. Там лик Солнца дробился:

там были боги, нисходившие до людских распрей, воплощавшиеся в царях и вождях; здесь был единый Бог... А за Баальбеком, к северу, долина еще пустынее. На ней смешались и слились со скалами предгорий камни несметных городов и храмов, самое имя которых исчезло бесследно, навеки. Земля там одна из самых плодороднейших в мире – запущена, одичала. И высится на ней Гермиль, "памятник Рая" – каменный куб на помосте черного базальта, украшенный барельефными луками, стрелами и фигурами тигра, кабана и слона, – охоты тех дней, когда ливан, утопавший в исполинских кедровых лесах и великом обилии вод, был еще подлинным раем...

В открытое окно дул сильный ветер. С севера, из-за гор, шла неохватная градовая туча, уже покрывшая и замутившая вершины туманом. Я подумал: там Кедры... Следует ли, говорят некоторые, искать на Ливане отдельных мест, связанных преданием с Эдемом? Не Эдем ли весь ливан? Ведь, кроме Гермиля, есть и было еще несколько селений, носящих это имя: например, древнесирийское селение на Антиливане – Гедим; потом Эдем близ Дамаска... Более же всего соперничает с Эдемом Гермиль Эдем близ Кедров, на северо-западе.

Взбираются к этому Эдему по ужасающим кручам Ливана, чтобы достигнуть подошвы вечноснежных вершин. И видны оттуда целые страны – кряжи, долины, воды, леса и селения, необозримая пустыня Келесирии, реки и царственные руины Баальбека на ней, мутная синева Антиливана на востоке, бездна Средиземного моря, сливающаяся с горизонтом, на западе... И вот одно из этих-то селений и есть Эдем, а несколько хвойных рощ суть остатки кедров ливанских, тех, которые Библия называла заоблачными, тень их – тенью, покрывшей все земные царства, бальзам – божественным, на тысячи лет сохраняющим трупы от тления, древесину – не боящейся вечности... Одна из пяти рощ, уцелевших близ Эдема, еще и доньше почитается священной.

Я смотрел в окна... Что такое теперь Баальбек? Даже происхождение его никому не известно. Известно только, что упоминается он в египетских и ассирийских надписях; что был он колонией Рима, которому и принадлежит построение – в честь

Храм Солнца. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru

богов солнечных – двух всемирно-славных баальбекских храмов: Великого и Малого. Брали и разрушали его и арабы и монголы, а их разрушениям помогло несколько страшных землетрясений, и вот, на месте огромного города, остался бедный городок с пятью тысячами разноплеменного сирийского люда и развалинами акрополя, в котором от Великого храма уцелело всего шесть колонн... Вдруг вагон ярко озарился солнцем. И внезапно увидел я вдали нечто поражающее:

густой зеленый оазис садов и тополей, тянувшихся среди долины и окружавших желто-белые руины какой-то крепости, такой огромной, что сады казались под ней кустарниками, а над ними – шесть как бы повисших в воздухе мраморных колоссов.

Солнце из грозových туч озаряло сады и руины сильно и резко.

Темно-сизый фон неба еще более усиливал яркость зелени и допотопных стволов колоннады. И в пролеты ее ветхозаветно глядел пегий горный талес. Белым огнем горели широкие снежные полосы этого талеса. И загорелись еще более, когда мы приблизились к Баальбеку. Но вдруг померкли, воздух потемнел – и буря, докатившись с Ливана, смерчем закрутила пыль над городком, белевшим за руинами, тучей помчала ее над садами и сквозь колонны... Едва успели мы вскочить в холодный и пустой отель на каменистом холме вблизи их, как все смешалось в лютom ливне с градом. Град с треском помутившиеся окна, летел и прыгал по земле. Ваал из-за облачной высоты величаво кидал в мрачно откликавшиеся горы гул и грохот, от которых в страхе метались фиолетовые молнии...

Но когда, через час, вышел я на балкон, золотым блеском ослепила меня дождевая вода на балконе. Буря пронеслась, и на земле воцарились безмятежный мир и ясность, один из тех вечеров, что так любят ласточки. Воздух был чист и тепел, талесы далеких куполообразных вершин четки и близки, мокрые сады против балкона райски свежи, густы и зелены. А над садами и над крепостными руинами, тонувшими в них, стройно и державно возносились шесть желтоватых колоссов Великого храма. С балкона я глядел на предвечернее солнце, на Ливан, на северо-запад. На запад тянулись по долине руины. Тополя и фруктовые деревья шли вдоль южной стены их, подымавшейся над зеленью каменными зубьями, грубыми брешами. И мне виден был весь акрополь, заключающий в себе на восточном краю вход. Пропилеи, на западном – Великий храм, а посередине – Гексагон и Жертвенный двор. Малый храм построен отдельно, вне этой стены. Его циклопический периптер сохранился на диво. Но здесь он терялся: все подавляли колонны Великого храма.

Верх одной из них – крайней справа – был уже почти свободен от архитрава. Скоро она рухнет, подумал я, и рухнет ужасно! Ведь в одном фундаменте акрополя пятнадцать аршин высоты, но колонны стоят не на нем: для Великого храма был воздвигнут еще другой фундамент, высотой почти равный первому. А в самих колоннах росту аршин сорок! Некогда перистиль храма – окружавшая его колоннада – состоял из пятидесяти четырех таких колонн. Теперь их только шесть, – третья часть южной части перистилия, удержавшаяся на единственной сохранившейся стене второго фундамента. И как одиноки они! Воздух долины становился голубым, вал Ливана синим.

Далеко на северо-западе начинали желтеть ленты одного из высочайших горбов, все яснее выделявшихся на небе. Между небом и землей был несказанный простор. Но величие этих колонн, одиноких "наследников дней героев", было ни с чем не сравнимо.

III

Солнце склонялось; в мокрых зеленых садах, казавшихся еще свежее от шума горной мутно-зеленой речки, в садовой глуши вокруг акрополя, была тень. Маленькими казались тополя, стоявшие вдоль фундамента... Привратник пропустил нас за железную решетку к Пропилеям.

Некогда к ним вела мраморная лестница; сарацины до последней плиты разрушили ее, превращая акрополь в крепость. Некогда Пропилеи были стройным, величавым зданием. Двенадцать сиенитовых колонн, за ними портал в три пролета, по бокам – павильоны – экзедры, воздвигнутые из огромных камней со всей роскошью и силой древнего зодчества и ваяния, с двумя ярусами ниш для статуй богов. Теперь от колонн остались только пьедесталы, портал являет вид проломов в крепостной стене, проход к нему завален каменными глыбами и разбитыми капителями, полуразрушенные экзедры зияют. Тень была в этих раскрытых развалинах. Глубоко и

Храм Солнца. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
густо синело над ними вечернее небо. Зеленая верхушка тополя тянулась снизу, заглядывая в брешь. И мертвая тишина стояла вокруг...

За стеной Пропилеи – Гексагон, первый двор. Огромный шестиугольник его замкнут шестиугольником стен и сплошных экзедр, опять-таки разрушенных. Мраморный скользкий шестиугольник в три ступени идет вокруг площади двора, на расстоянии шагов двадцати от экзедр. На нем возвышалась шестиугольная колоннада, связанная с экзедрами сводом. В тени этой галереи толпились ожидавшие входа во двор Жертвенный. От колонн не осталось теперь ни единой. Пустой двор окружают громады руин.

Сарацины пробили в них бойницы, понаделали много грубых амбразур. Землетрясение и осады почти ничего не оставили и от этой работы. Чувствуешь лишь дикость древней цитадели, следы свирепых древних битв и тяжесть, величие Рима.

А за Гексагоном – двор Жертвенный, двор, повторяющий первый, но лишь в иной, квадратной форме и чуть не втрое превосходящий его по размерам. Мало оставило время и от второго тройного портала, – проходов из Гексагона на площадь Всесожжения: вместо портала зияет теперь пустота среди остовов крайних экзедр, что похожи на остовы каких-то допотопных жилищ, на сквозные пещеры. И когда я, оглянув Гексагон, кинул взгляд далее, необозримый каменный хаос, хаос целого города, ниспровергнутого землетрясением, открылся предо мною. Не на Гексагон и Пропилеи, а ведь именно сюда, где последовательно возрастали и размеры и святость храма Солнца, направлены были силы подземные, ужасы осад и варварство византийских императоров. Но великое осталось великим. Чуть не на полверсты тянулся среди этого хаоса отшлифованный мириадами ног, местами зияющий провалами, местами заросший колючками проход.

Шесть колоссов, стоящих почти на самом конце его, на остатках фундамента, глядели на юг и сливались в один, занимая полнеба. Их стволы, обожженные зноем и ветром, были вблизи красноваты.

Горизонт за ними замыкался зубцами и проломами Стены Циклопов.

Небо бледнело, низко опустившееся солнце все слегка золотило... Я сел среди двора на камень.

Было тихо-тихо. Без конца лежали и стояли вокруг меня обломки сиенитовых туловищ, точно какие-то каменные страшные существа.

Позади и вправо широко раскрывали свои каменные утробы искаженные и разрушенные экзедры; только две-три из них напоминали о прежнем великолепии раковинообразных ниш, пилястров и горельефов. А налево громоздились камни, шли какие-то рвы и провалы – и тяжело и вместе с тем легко, стройно и громадно высился храм Малый, чудом сохранивший весь свой, как бы литой из желтоватого мрамора, корпус и целых девять колонн как раз на том фланге, который был виден мне. Я глядел на них и долго не мог понять, что это так резко отличает их от тех шести колонн. Малый храм, этот редкий образец эллинской красоты и несокрушимой римской мощи, был немного менее Великого. Нет при нем ни Пропилеи, ни Гексагона, ни двора Всесожжения, но фундамент его почти равен тому, исчезнувшему фундаменту, на котором стояло святилище Солнца. Почти равны и перистили их... В чем же тогда дело? Только в том, что колонны храма Солнца вверху не суживаются.

Но как далеко уносит это в глубину веков!

Можно представить себе красоту Малого храма. Пропилеи, Гексагона, двора Жертвенного – в те дни, когда только что отлилось в совершенные формы и сочеталось в Баальбеке "самое прекрасное на земле с самым величественным". Этот хаотический простор, ныне подобный страшным картинам Исаии, лоснился тогда мозаичными настилами. Стены и экзедры, где помещалось более трехсот ниш для всех богов Олимпа, стройно замыкали его с трех сторон, на четвертой, западной, шла лестница к высоко вознесенному portalу Великого храма. Квадрат из огромных сиенитовых колонн – темно-розовых, гладко шлифованных египетских монолитов – охватывал средину двора, и галереи между ними и экзедрами всегда были полны света, тени, белых хитонов. Нельзя было найти места, не блиставшего мрамором статуй, пилястрами, фронтонами и причудливой лепкой карнизов, капителей – этих окаменевших листьев, узоров, цветов.

Храм Солнца. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru

Ярко млела синь неба над квадратом двора. Дым непрерывных сожжений и языки пламени поднимались с гигантского жертвенника, с раскаленной медной плиты его – с алтаря возле мраморных ступеней, тремя переходами поднимавшихся к чудовищному периптеру Великого святилища... Но легко сказать: чудовищному! Как представить себе его?

Та часть основного фундамента, на которой стоял фундамент святилища, равна только половине двора Жертвенного. Но древние недаром называли святилище "первобытным": дело было не в ширине и длине, а в высоте и размерах строительного камня. И уже одно то, что периптер святилища был вознесен еще и на другой громадный фундамент с подземельями внутри, свидетельствует о том, что Рим здесь кончается. Кем был сложен основной фундамент? Какими-то древнеарамейскими племенами – из самых больших монолитов, "какие когда-либо поднимал человек", и в те дни, когда легенды о титанах еще дышали жизнью. Неизвестно, кем построено и самое святилище Солнца: Рим только реставрировал его. Но и реставрировал под несомненным влиянием преданий о великих капищах, о столпотворениях, об уступчатых зиккуратах, этих "башнях до небес", и посвятил его Солнцу-Ваалу, сочетавшему здесь свое имя с именем Юпитера. И святилищем Ваала, прежде всего Ваала, и было и осталось святилище Великого храма, уступами вознесенное к небу и охваченное колоссами, имевшими и внизу и вверху одну толщину – первобытно. А сказочным монолитам, из которых сложен основной фундамент, его подземелья и Стены Циклопов, Рим мог только дивиться: тайна передвижения и кладки этих монолитов, из которых иные имеют по тридцати аршин в длину, даже для него была непостижима.

Солнце село, и, как всегда на Востоке, стало на минуту особенно светло. И в этом странном свете без солнца, в пространстве, как бы лишенном воздуха, резко обожженные красноватым загаром колонны вдруг приобрели ужасающую выпуклость, тяжесть и высоту. Я пробрался к ним по глыбам камня, по оврагам и возвышенностям, по остаткам мраморных ступеней и тысячелетнему мусору, зашел под фундамент, на котором стоят колонны, и, закинув голову, глянул вверх... Дивно было сочетание бездонного бледно-голубого неба и красноватого тона этих поднебесных стволов! Но они уже меркли.

Быстро падал сумрак. Спотыкаясь, я сбегал в ров, в угол, образованный Циклопическими стенами. Их теперь две: западная и северная. Обе искажены проломами. Но искажения только усугубляют их допотопный вид. Из темного оврага выбрался я по каменистому мусорному холму, поднимающимся к пролому в углу стен, на свет заката и стал в проломе. Подо мной был обрыв, вдали темное море долины, а за ним – валы Ливана и далекие, чуть краснеющие в сумраке ленты его горбов. Подо мной была стена, сложенная сынами Солнца, стена, камни которой останутся здесь недвижимыми до конца мира.

1909

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://buninivan.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!